

Александр Эрот

Голая богиня

18+

Александр Эрот

Голая богиня

<https://litres.ru/74043131>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Новом Эдеме счастье математически выверено, а любые несанкционированные эмоции жестко подавляются Системой.

Я — Клиф, подпольный Мясник и «коуч по хаосу». Я торгую тем, что ИИ выжиг каленым железом: чужой болью, страхом и отчаянием. В моем звукоизолированном бункере идеальные граждане платят бешеные деньги, чтобы я ломал им кости и психику. Я думал, что видел все виды человеческого дна. Пока ко мне не пришла она.

Ее зовут Ева. Она — системный брак. Девушка из инкубатора, которая не чувствует абсолютно ничего.

Она предложила сделку: я должен выпотрошить ее, извлечь концентрат этой мертвой пустоты и создать вирус, способный обрушить цифровую диктатуру.

Но чтобы сломать ту, кто не ведает физической боли, мне пришлось подключить наши разумы через нелегальный эмпатический мост. Я хотел залить в нее свой хаос. Но вместо этого ее пустота начала пожирать меня.

Я собирался уничтожить Систему. Но кажется, я создал монстра, ради которого готов сжечь этот мир дотла.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Эрот

Голая богиня

Глава 1.

Я только что сломал человеку указательный палец, а он скулил от невыносимого счастья и умолял не останавливаться.

Хруст кости прозвучал в звукоизолированном подвале сухо и резко, как выстрел из пневматики.

[Системное уведомление: Выброс кортизола субъекта +420%]

[Уровень эндорфинов: Критический]

[Индекс Предсказуемости (ИП) субъекта падает: 99.8% → 61.3%]

Зеленые строки интерфейса скользнули по краю моей сетчатки. Я смахнул их легким движением зрачка.

Его звали Марк, старший аналитик креативного кластера в корпорации «Синтез-Медиа». По жестким законам Нового Эдема, Марк был обязан быть стерильно, математически счастлив. Его жизнь — это идеальный алгоритм: питательные смузи, одобренные Системой партнеры для спаривания, безопасный контент. Но сейчас этот винтик утопии сидел, намертво притянутый к ржавому стоматологическому крес-

ду в моем бункере, заливал кровью из прокушенной губы собственную белоснежную рубашку из смарт-ткани и жадно глотал спертый, пахнувший страхом воздух.

— Еще, — прохрипел Марк, глядя на неестественно вывернутую фалангу. Слюна пузырилась на его подбородке. — Пожалуйста, Клиф. Господи... я почти вспомнил. Я почти живой. Дай мне еще боли.

Я молча взял со стального подноса хирургические щипцы. Никаких эмоций. Никакой эмпатии. Я — скальпель. Я — инструмент, который вскрывает гнойники их идеальной жизни.

— Ты слишком быстро адаптируешься, Марк, — мой голос, пропущенный через вокальный модулятор, звучал как скрежет металла по стеклу. — Боль от перелома уже не дает пика. Переходим к фазе три. Сенсорная депривация плюс фантомный некроз.

Я нажал кнопку на тактическом планшете. Свет в подвале мигнул и погас, оставив лишь багровое аварийное освещение. На затылке Марка тускло замерцал черный куб нейро-рекордера, подключенный напрямую к его церебральному шунту.

Он закричал. Протяжно, срывая связки. Это был первобытный, животный вой существа, которое загнали в угол. Идеальный звук.

[Запись данных... 89%... 95%... 100%]

[Нейро-слепок «Абсолютный Ужас» успешно сохранен]

— Сеанс окончен, — холодно бросил я, возвращая свет и выдергивая куб из его затылка. Марк обмяк в ремнях, тяжело и судорожно дыша. Его глаза закатились. Двадцать минут чистого, нефильтрованного агонального стресса.

Я вколол ему в шею ударную дозу стимулятора регенерации и блокатор кратковременной памяти — стандартный сервис. Через пятнадцать минут умные наноботы срastят его кость, синяки сойдут, а воспоминания об этом подвале, запахе моей туалетной воды и виде хирургических инструментов превратятся в мутный, тревожный, но бессвязный сон. Он вернется в свой стеклянный офис на сотом этаже, где искусственный интеллект тысячами генерирует идеальные романы, сценарии и симфонии. Ни одной фальшивой ноты. Никакой души.

Система давно поняла: чтобы искусство продавалось, оно должно быть безопасным. Творчество — это хаос, а хаос не поддается просчету. Поэтому людям запретили творить. Запретили страдать.

Я — Клиф. Подпольный коуч по хаосу. Я торгую тем, что ИИ выжиг каленым железом. Ко мне приходят топ-менеджеры, контролеры и лояльные граждане. Они платят криптовалютой за то, чтобы я запер их в этом бункере, унижал, ломал их психику и заставлял бороться за жизнь. Я считываю их «сырой» эмоциональный опыт на куб-рекордер и продаю подпольным синдикатам «Серых Авторов» — людям, которые пытаются писать настоящие, нелегальные книги, инъекти-

руя в текст украденную человеческую боль. За сегодняшний слепок Марка на черном рынке мне отваяют столько, что хватит на месяц автономной жизни в Нижнем Городе.

Вышвырнув пошатывающегося, но слабо улыбающегося Марка через потайной выход к теплотрассам, я активировал протокол очистки. Дроны-уборщики с тихим жужжанием принялись слизывать капли крови с бетона.

Я подошел к раковине, смыл с рук чужую ДНК, налил себе на два пальца дешевого синтетического напитка и рухнул в продавленное кожаное кресло перед массивом мониторов.

[Собственный Индекс Предсказуемости: 96.1% — Режим маскировки стабилен]

Я смотрел на свои цифры и чувствовал, как внутри шевелится холодная, липкая тоска. Я выпотрошил психику сотен людей. Я видел, как они ломаются, плачут, умоляют. Но сам я перестал что-либо чувствовать. Смотря на их мучения, я лишь просчитывал прибыль. Не стал ли я сам алгоритмом? Может быть, Система просто терпит меня, используя как клапан для сброса давления у своей элиты? Иллюзия бунта, продаваемая по сходной цене.

Внезапно интерфейс бункера тревожно вспыхнул.

Пойло застряло в горле.

[ВНИМАНИЕ: Нарушение внешнего периметра]

[Сканирование цели... ОШИБКА]

[Биометрия... НЕ РАСПОЗНАНА]

Моя рука инстинктивно нырнула под столешницу, паль-

цы привычно сомкнулись на ребристой рукояти магнитного пистолета «Вектор-7».

Мое убежище — это свинцовая клетка Фарадея на глубине сорока метров под радиоактивными руинами старого метро. Сюда нельзя спуститься «случайно», перепутав поворот. Защитные турели должны были изрешетить любого, у кого нет моего личного крипто-ключа. Расписание на сегодня пусто.

На главном экране появилась картинка с инфракрасной камеры.

Перед тяжелой гермодверью стояла фигура. Девушка. На ней был простой серый плащ из тех, что выдают рабочим нижних уровней. Капюшон накинут на голову.

Она не пыталась взломать панель. Не осматривалась в поисках скрытых камер. Она просто стояла и смотрела прямо в объектив, словно видела меня сквозь метры армированного бетона.

Я проверил логи защиты. Никакого взлома. Она прошла сквозь минное поле и лазерные растяжки, как призрак.

Если это Ищейка Системы — мне конец. У меня есть две минуты до того, как они начнут резать дверь плазменными резаками.

Я нажал кнопку интеркома, вдавив ползунок агрессии в модуляторе на максимум:

— Сбой навигатора, гражданка? У тебя десять секунд, чтобы развернуться и уйти в тоннель, пока охранные боты

не превратили тебя в фарш. Отсчет пошел.

Она не вздрогнула. Ни один мускул под серым плащом не дрогнул. Ее губы шевельнулись, и микрофоны идеальной четкости передали голос. Без тональностей. Без страха. Ровный, как пульс мертвеца.

— Ты Клиф. Тренер хаоса. Продавец срывов. Мне нужен срыв. Я заплачу кодами доступа к серверной Третьего Узла.

Сердце ухнуло в желудок. Коды Третьего Узла. Святой Грааль. С ними можно стереть свой цифровой след навсегда. Стать невидимкой в мире, где Система видит каждый твой вдох.

[Анализ голоса: Стресс — 0%, Ложь — 0%]

Я колебался ровно секунду.

— Входи. Без резких движений. Руки на виду.

Гермодверь зашипела, стравливая давление, и медленно отползла в сторону. Она перешагнула порог. Скинула капюшон.

Я не убирал ствол пистолета, целясь ей точно в переносицу.

Она выглядела... никак. Русые волосы, собранные в короткий хвост. Бледная кожа без единого косметического импланта. Глаза цвета мокрого асфальта. В ней не было ни хрома, ни неона уличных банд, ни лоска корпоратов. Но когда наши взгляды встретились, по моей спине пробежал ледяной сквозняк.

Знаете, как выглядят глаза человека, который боится ору-

жия? Зрачки расширяются, микромирика выдает спазм, система фиксирует выброс адреналина.

В ее глазах не было ничего. Вообще. Это была не выдержка спецназовца и не тупость наркомана под ингибиторами. Это был колодец без дна.

— Снимай плащ. Медленно. И садись в кресло, — командовал я.

Троп «властного доминатора» работал с клиентами безотказно. Альфа-тон, резкость, угроза. Психика современного человека моментально сжималась перед грубой силой, выдавая нужный мне коктейль гормонов уязвимости.

Она послушно скинула плащ на грязный бетон, оставшись в облегающем белом синтетическом комбинезоне. Никакого оружия. Она подошла к креслу, на спинке которого еще не высохла кровь Марка, и села, положив руки на подлокотники.

Я шагнул к ней, заходя за спину — в слепую зону, чтобы усилить паранойю жертвы. Выхватил из тактических ножен на бедре боевой нож с мономолекулярным лезвием. Резким, свистящим движением я провел лезвием в миллиметре от ее сонной артерии, намеренно срезав прядь русых волос. В тот же момент я активировал скрытые в кресле шокеры на минимальную мощность — достаточную, чтобы мышцы свело судорогой.

Она даже не моргнула.

На моем дисплее побежали ее биометрические данные со

сканеров кресла.

[Пульс: 60 ударов в минуту.]

[Частота дыхания: 12 циклов.]

[Выброс кортизола: 0%]

[Кожно-гальваническая реакция: 0%]

— Накачалась синто-блокаторами перед визитом? — про-
рычал я, грубо хватая ее за волосы и откидывая ее голову
назад, заставляя смотреть на меня снизу вверх. — Я таких
умников ломаю за десять минут. Твоя химия выгорит, и ты
будешь жрать этот пол, умоляя меня остановиться. Ты при-
шла за болью?

Я ждал искры. Испуга. Вызова. Злости.

Вместо этого она посмотрела прямо в мои глаза и произ-
несла все тем же монотонным, машинным голосом:

— Я не под ингибиторами, Клиф. Я ничего не чувствую.
Боль, страх, радость, возбуждение — для меня это просто
слова из архива старого интернета. Я — ошибка кода. Я ро-
дилась в системном инкубаторе пять лет назад. Меня зовут
Ноль-Семь. Но я предпочитаю имя Ева.

Я замер. Рука с зажатыми волосами дрогнула. Инкубатор
Системы? Искусственный человек без интерфейса? Это бы-
ла не просто западня. Это был приговор.

— И какого дьявола ты притащилась ко мне, кукла? —
процедил я, отпуская ее и отступая на шаг, снова поднимая
пистолет. — Хочешь, чтобы я научил алгоритм плакать? По-
шла вон.

Ева медленно поднялась с кресла. Она повернулась ко мне, и впервые я ощутил, как мое собственное сердцебиение ломает ровный ритм. Мой интерфейс мигнул желтым.

— Нейросети пишут истории о любви, потому что выучили алгоритм из старых книг, — сказала она, делая шаг прямо на ствол моего пистолета. — Система питается вашими эмоциями. Она контролирует вас, позволяя вам иногда срываться в таких подвалах. Ты — не бунтарь, Клиф. Ты — клапан сброса давления. Ты кормишь ИИ сырыми данными, чтобы он лучше понимал, как держать людей на поводке.

Слова били наотмашь. Она озвучила мой самый глубокий, самый темный страх.

Ева сделала еще шаг. Дуло пистолета уперлось ей в грудь, прямо туда, где должно было колотиться сердце.

— Но Система не умеет обрабатывать абсолютное ничто, — тихо продолжила она, и в ее мертвых глазах на секунду мелькнуло отражение аварийных ламп, похожее на адское пламя. — Пустота для алгоритмов — это смертельный вирус. Математическое отсутствие души, умноженное на бесконечность.

— Что ты хочешь? — мой голос сел. Оружие в руке казалось бесполезной игрушкой. Передо мной стоял монстр в обличье девушки.

— Я хочу, чтобы ты выпотрошил меня, Клиф, — ровно ответила Ева. — примени ко мне свои самые жестокие, самые больные, самые садистские практики. Ломай мое те-

ло. Пытайся сломать мой разум. И когда твой куб запишет мою абсолютную, непреодолимую пустоту в ответ на величайший человеческий ужас... мы получим вирус, который сожжет Матрицу дотла.

Она подалась вперед. Пистолет вдавился в ее белую ткань. От нее пахло стерильностью и холодом вакуума.

— Но предупреждаю, — добавила она. — Заглянув в мою пустоту... ты рискуешь потерять последние остатки того, что делает тебя человеком. Мы начинаем сеанс?

Пистолет «Вектор-7» вдавился в упругую, синтетическую ткань ее комбинезона, точно там, где у людей бьется сердце. Мой палец лежал на спусковом крючке, напряженный до дрожи. Одно нажатие — и мономолекулярная пуля превратит ее грудную клетку в кровавое крошево.

Но я не стрелял.

Мой тактический интерфейс, проецируемый оптическим имплантом прямо на сетчатку, сходил с ума.

[ВНИМАНИЕ: Аномалия биоритмов цели]

[Анализ микромимики: ОШИБКА]

[Поиск скрытого оружия: ОТРИЦАТЕЛЬНО]

[Уровень угрозы: КРИТИЧЕСКИЙ / НЕИЗВЕСТНО]

— Ты блефуешь, — мой голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. Я убрал ствол от ее груди, но не опустил его. — Нет никаких «ошибок кода». Инкубаторы Системы идеальны. Если бы ты была браком, тебя бы утилизировали на этапе формирования нейронной трубки в чане с амнио-

тической жидкостью.

Ева не сдвинулась с места. Она смотрела на дуло пистолета с тем же равнодушием, с каким обычный человек смотрит на дверную ручку.

— Инкубаторы идеальны для создания покорного мяса, Клиф, — ровно произнесла она. — Но Система постоянно обучается. Чтобы понять природу человеческого бунта, алгоритмам понадобилась контрольная группа. Пустой сосуд. Депривация всех инстинктов на генетическом уровне. У меня нет миндалевидного тела в том виде, в каком оно есть у тебя. Я физиологически не способна генерировать эмоции. Но я знаю, как они выглядят. Я читала архивы.

Она подняла руку. Медленно, чтобы не спровоцировать мой рефлекс стрелка, и коснулась кончиками пальцев холодного металла моего пистолета. От ее кожи не исходило тепла. Она пахла стерильным пластиком — запах медицинской палаты, в которой кто-то только что умер.

— Ты хочешь коды Третьего Узла, — сказала она, глядя мне в глаза. — Я дам тебе аванс.

Она продиктовала шестнадцать символов. Шестнадцать бессмысленных, на первый взгляд, букв и цифр.

Я, не сводя с нее ствола, левой рукой вбил комбинацию на дешифраторе своего главного терминала.

Секунда. Две. Вентиляторы охлаждения взвыли, переваривая объем данных.

[Доступ подтвержден]

[Уровень допуска: АЛЬФА-ПРАЙМ]

[Вы находитесь в корневом каталоге Системы]

Меня прошиб холодный пот. Это было реально. Одна эта строчка кода на черном рынке стоила больше, чем жизнь всего населения Нижнего Города. С полным пакетом кодов я мог бы стать цифровым богом. Я мог бы стереть свое существование, переписать свой Индекс Предсказуемости, обрушить биржи.

Я сглотнул вязкую слюну. Жадность — самый базовый, самый примитивный алгоритм человеческой природы. Система знала это. И эта девчонка-пустышка знала это. Она насадила меня на крючок так же изящно, как я насаживал на крючок боли своих состоятельных клиентов-мазохистов.

— Выгодный контракт, — процедил я, опуская пистолет. Щелкнул предохранителем и положил оружие на металлический стол.

— Ты даешь мне коды. Я ломаю тебя. Записываю твою мертвую пустоту на куб-рекордер. Ты скармливаешь этот вирус Системе. Все в выигрыше.

— Подтверждаю условия, — Ева медленно кивнула.

Я подошел к главному пульту. Мои пальцы легли на красный тумблер с потертой надписью «КАРАНТИН».

В книгах старого мира авторы любили писать о «переходе рубикона». О точке невозврата. В моей реальности точка невозврата весит четыре тонны армированной стали.

Я повернул тумблер.

Завыли сервоприводы. Семь слоев титана, свинца и кевлара начали смыкаться над нашими головами, отрезая вентиляционные шахты, глуша любые сигналы, замуровывая нас заживо. Щелкнули магнитные замки. Воздух в бункере стал плотным, спертым, изолированным.

[Внешняя связь: ОТКЛЮЧЕНА]

[Сенсоры слежения Системы: ЗАБЛОКИРОВАНЫ]

[Статус бункера: АБСОЛЮТНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ]

Теперь мы были одни. На глубине сорока метров под землей. Только я, мои хирургические инструменты и эта кукла, в глазах которой плескался абсолютный ноль.

— Раздевайся, — бросил я, не оборачиваясь, снимая с подноса свежий нейро-рекордер.

Позади меня раздался тихий шорох ткани. Я знал физиологию подчинения досконально. Когда человек раздевается перед палачом, он теряет последнюю линию обороны. Слой социальной брони падает на грязный пол. Начинается паника. Кожа покрывается мурашками, дыхание учащается, соски твердеют от холода и страха.

Я обернулся.

Она стояла абсолютно голая в центре тускло освещенной комнаты.

Идеальная. И пугающе мертвая.

Ее тело было анатомически безупречным, но в нем не было жизни. Ни единого шрама. Ни одной родинки. Никакой асимметрии, присущей людям, рожденным из утробы. Блед-

ная кожа алебастрового оттенка не покрылась мурашками под холодным обдувом кондиционера. Ее грудь вздымалась с механической точностью — ровно двенадцать вдохов в минуту. Ни румянца стыда, ни дрожи страха.

Я — мясник человеческих душ. Я привык видеть мясо, которое боится ножа. Но что делать с мясом, которое не понимает, что оно живое?

Я подошел к ней вплотную. Ближе, чем допускают правила безопасности. Мое лицо оказалось в сантиметре от ее лица. Я чувствовал запах ее кожи — стерильный полимер и ничего больше. Никаких феромонов.

— Знаешь, в чем проблема инкубаторских? — прошептал я, глядя в ее серые, немигающие глаза. — Вы слишком верите в свою неуязвимость. Ты говоришь, что у тебя нет миндалевидного тела. Что ты не чувствуешь боли. Но боль — это не только эмоция. Боль — это электрический импульс. Это нервные окончания, вопящие о разрушении тканей. Это физика, Ева. А физику я умею ломать.

Моя рука скользнула к бедру. Я вытащил тактический нож с мономолекулярным лезвием, способным резать танковую броню.

— Дай руку.

Она протянула левую ладонь. Пальцы не дрожали.

Динамика власти в этой комнате должна была принадлежать мне. Я был с ножом. Я был доминантом. Но почему-то, глядя на ее раскрытую, доверчивую ладонь, я почувствовал,

как по моей шее ползет липкая капля пота.

Я схватил ее за запястье. Пульс под моими пальцами бился медленно и ровно. Удар. Удар. Удар.

Я прижал лезвие к центру ее ладони.

— Последний шанс, кукла, — процедил я, глядя на свои системные логи. Ее показатели стояли на нулях. Никакого выброса кортизола перед неизбежной травмой. — Сейчас твои рецепторы взорвутся.

— Режь, — ее голос был тихим шелестом вентилятора.

Я надавил.

Мономолекулярное лезвие вошло в плоть, как в теплое масло. Я провел линию от основания ладони до указательного пальца, рассекая эпидермис, дерму, жировую прослойку и вскрывая капилляры.

Кровь хлынула моментально. Яркая, красная, густая человеческая кровь. Она залила мою руку, закапала на бетонный пол. Кап. Кап. Кап. Звук разрывал тишину бункера.

Я ждал крика. Ждал, что она отдернет руку, зашипит сквозь зубы, что ее зрачки расширятся от болевого шока.

[Сканирование субъекта Ева: ОШИБКА]

[Болевой отклик: 0%]

[Выброс адреналина: 0%]

Она даже не отвела взгляд от моего лица. Ее пальцы, залитые собственной кровью, остались расслабленными в моей хватке.

Она смотрела на меня. Изучала.

Я резал ее плоть, а она исследовала меня.

— Изумительно, — ровно произнесла Ева.

Она высвободила свою изрезанную руку из моей хватки.

Подняла ладонь к лицу, глядя на глубокую, пульсирующую рану, из которой толчками вытекала жизнь.

Затем она сделала то, от чего у меня внутри оборвался какой-то важный, несущий трос здравомыслия.

Ева шагнула ко мне, вплотную прижавшись своим голым, холодным телом к моей одежде, подняла окровавленную ладонь и медленно провела ей по моей щеке. Горячая кровь размазалась по моему лицу, оставляя влажный, липкий след.

— У тебя участился пульс, Клиф, — прошептала она, и ее пальцы, скользкие от крови, легли мне на сонную артерию. — Твои зрачки расширены. Твои мышцы напряжены. Я истекаю кровью, но страшно сейчас тебе.

Мой интерфейс взбесился.

[ВНИМАНИЕ: Сбой биоритмов оператора]

[Выброс адреналина: +180%]

[Индекс Предсказуемости падает: 96.1% → 82.4%]

Я отшатнулся, тяжело дыша, стирая ее кровь со своего лица. Мое сердце колотилось о ребра, как бешеное животное в клетке.

Она была права. Я был в ужасе.

Я заперся в стальном гробу не с жертвой. Я заперся с хищником, чьим оружием была абсолютная пустота. И эта пустота уже начала пожирать меня.

Ева стояла посреди лужи собственной крови, обнаженная, мертвая внутри, и впервые за время нашего знакомства чуть склонила голову набок.

— Ты привык ломать людей через их страх, — сказала она. Кровь продолжала капать с ее пальцев. — Попробуй сломать меня через мое безразличие. Я готова к первому уровню. Подключай провода, мясник. Посмотрим, кто из нас выгорит первым.

Глава 2.

Я смотрел на эту рваную, пульсирующую рану на ее ладони, из которой на грязный бетон толчками вытекала красная, густая жизнь. Я смотрел на ее лицо — безмятежное, как посмертная маска. А потом я посмотрел на свои дрожащие руки.

Мясо всегда ломается. Это первый закон термодинамики в моем подвале. Синтетика, кибернетика, генные модификации — неважно. Если у тебя есть нервные окончания, я заставлю их петь. Я — виртуоз этой грязной симфонии.

— Подключать провода? — хрипло переспросил я. Мой голос сорвался, вокальный модулятор выдал уродливый статический треск. Я сглотнул, собирая в кулак остатки своего профессионального цинизма. — Как скажешь, кукла. Только потом не умоляй.

Я схватил баллон с медицинским гидрогелем со стола и грубо, без анестезии, залил пену прямо в разрубленную плоть ее ладони. Гель зашипел, химически сшивая разорванные капилляры и обжигая края раны. Это дико больно. Обычный человек дернулся бы так, что вывихнул плечо.

Ева просто смотрела, как белая пена пузырится, смешиваясь с ее кровью.

Я толкнул ее в сторону операционного кресла. Тяжелого, титанового монстра, привинченного к полу, которого я в

шутку называл «Исповедь».

— Ложись.

Она легла на холодный металл. Обнаженная, бледная, покорная.

Я набросил на нее фиксирующие ремни. Толстая воловья кожа, усиленная кевларовыми нитями, щелкнула магнитными замками на ее лодыжках, бедрах, талии, груди и запястьях. Я затягивал их с такой силой, что кожа вокруг ремней побелела от недостатка кровообращения. Я физически нависал над ней, чувствуя исходящий от нее запах стерильности, смешанный с металлическим запахом свежей крови. В этом было что-то извращенно интимное. Я лишал ее свободы движений. Я становился ее богом на ближайшие часы. Но вместо упоения властью я чувствовал лишь нарастающую тревогу.

Я взял с подноса пучок нейро-игл.

Длинные, тонкие как волос, провода с титановыми наконечниками. Я начал методично вгонять их в ее тело. Под ключицы. Вдоль позвоночника. В межреберные мышцы. Прямо в узлы нервных сплетений.

Мой интерфейс начал транслировать данные прямо мне на сетчатку.

[Синхронизация оборудования... Успешно]

[Субъект подключен. Жизненные показатели: стабильны]

[Подготовка черного куба-рекордера... Ожидание эмоци-

онального всплеска]

— Фаза первая, Ева, — процедил я, отходя к терминалу управления. — Термальный и электрический шок. Твои мышцы сейчас начнут рваться от собственных спазмов.

Я положил ладонь на биометрический сканер пульта и сдвинул ползунок напряжения на 40%. Для начала.

Генератор в углу бункера взвыл, набирая обороты. Свет мигнул и переключился на кроваво-красный аварийный режим.

Ток ударил по иглам.

Ее тело дернулось. Физика сработала безупречно: мышцы сократились от мощного электрического импульса, спина выгнулась дугой, ремни натянулись, заскрипев под тяжестью натяжения. Я слышал, как хрустят ее суставы.

[Физический урон: 12%]

[Мышечный спазм: Критический]

[Выброс кортизола: 0.00%]

— Ничего? — прорычал я, чувствуя, как по виску катится капля пота. — Посмотрим, как ты запоешь на восьмидесяти.

Я выкрутил ползунок.

Аппаратура затрещала. Воздух в бункере мгновенно наполнился густым, кислым запахом паленой кожи. Микроволновые излучатели в спинке кресла начали разогревать воду в ее клетках.

Ее тело колотило в жесточайшем припадке. Пальцы на руках скрючились, напоминая птичьи когти. На бледной коже

моментально проступили багровые пятна ожогов и синяки от рвущихся под кожей микрокапилляров. Лопались мелкие сосуды.

Но она молчала.

Ее рот был приоткрыт, грудная клетка судорожно ходила ходуном, пытаясь захватить кислород, но из горла не вырвалось ни единого стога. Я смотрел на ее лицо — мышцы были искажены спазмом, но глаза... Глаза оставались широко открытыми. И в них по-прежнему была пустота. Она смотрела сквозь меня. Сквозь потолок. Сквозь саму Систему.

[Физический урон: 45%]

[Угроза разрыва тканей: ВЫСОКАЯ]

[Болевой шок (физиология): 98%]

[Эмоциональный отклик (страх/паника/боль): 0.00%]

— Да сука же ты! — я ударил кулаком по терминалу. Мои пальцы дрожали. Мое собственное дыхание стало рваным, тяжелым, словно это через меня сейчас пропускали тысячи вольт.

Я отключил ток.

Ее тело с глухим стуком рухнуло обратно на титановую спинку кресла. Кожа дымилась. От нее исходил тошнотворный сладковатый запах сгоревшего белка.

Она медленно повернула голову ко мне. Капилляр в ее левом глазу лопнул, залил белок кровью. Получился жуткий, красно-серый, немигающий взгляд демона.

Она облизнула пересохшие губы.

— Ты... стараешься, Клиф. Но это просто... физика.

Меня затрясло от ярости. Это была не просто неудача. Это было оскорбление всего моего ремесла. Я не мог позволить инкубаторской пустышке выиграть. Я выжму из нее этот вирус, даже если мне придется разобрать ее на атомы.

Я подлетел к креслу и сорвал со стены массивный шлем сенсорной депривации. Тяжелая свинцовая сфера, обтянутая изнутри звукопоглощающей пеной.

— Фаза два, — прошипел я, глядя в ее кровавый глаз. — Абсолютная изоляция. Твой мозг не может генерировать страх перед внешним миром? Значит, он сгенерирует его изнутри. Ни звука, ни света. Только боль. Бесконечная.

Я грубо насадил шлем на ее голову, защелкнув герметичный замок на шее. Она оказалась в абсолютном вакууме.

Я вернулся к пультам и активировал протокол «Тартар».

Это был шедевр извращенной инженерии. Программа посылала хаотичные, непредсказуемые импульсы в центры боли, пока мозг, лишенный зрения и слуха, пытался найти точку опоры. Человек терял ориентацию в пространстве. Секунды казались часами. Обычно через три минуты клиенты начинали захлебываться собственной слюной, умоляя убить их.

Прошла минута.

Две.

Пять.

Я стоял перед экранами. Мои руки вцепились в край ме-

таллического стола так, что костяшки побелели. Я смотрел на графики.

Красная линия — физическое разрушение организма — ползла вверх.

Синяя линия — эмоциональный отклик — лежала абсолютно ровно, как кардиограмма покойника. Ноль. Ноль. **НОЛЬ.**

Куб-рекордер мигал черным, матовым цветом. Он не записал ни одного байта информации. Не было никакого «Вируса Пустоты». Была только пустота. И она ничего не весила.

А вот мой собственный интерфейс сходил с ума.

[ВНИМАНИЕ: Индекс Предсказуемости оператора: 64% → 48%]

[Критический уровень кортизола]

[Сбой нейронной стабильности]

Я задышался. Я чувствовал, как этот бункер сжимается, давит мне на виски. Я ломал ее тело, но это она переживала мою психику. Ее молчание оглушало меня. Ее невидимость в темноте шлема сводила меня с ума. Я вдруг осознал, что боюсь. Я до одури боюсь того, что находится сейчас внутри этого кресла.

Я не выдержал.

Ударив по красной кнопке экстренной остановки, я вырубил питание. Генераторы со стоном заглохли. Воцарилась звенящая тишина, прерываемая только моим сиплым дыха-

нием.

Я подошел к креслу. Пальцы с трудом нащупали замки. Я сорвал шлем и отшвырнул его в угол.

Ее голова безвольно упала набок.

Физически она была уничтожена. Кожа в страшных, лиловых ожогах. Кровь из прокушенной губы стекала на подбородок. Мышцы мелко дрожали от остаточного электричества. Она выглядела как кусок отбитого, истерзанного мяса, который только что достали из мясорубки.

Я наклонился над ней, опираясь руками о подлокотники, вглядываясь в ее лицо.

— Я сломал тебя, — хрипло сказал я, скорее себе, чем ей.
— Ты почти мертва.

Ее ресницы дрогнули. Она медленно открыла глаза. Зрачки сузились, фокусируясь на моем взмокшем, перекошенном лице.

И тут она сделала то, от чего у меня внутри лопнула последняя струна.

Она улыбнулась.

Это была искаженная, механическая улыбка прокушенными в кровь губами.

— Твой пульс... сто сорок, Клиф, — прошептала она. Ее голос был тихим, как шелест пепла. — У тебя потеют ладони. Твои зрачки пульсируют. Твои нейроны кричат от паники.

Она с трудом приподняла изувеченную голову с титановой спинки, приблизив свое лицо к моему так близко, что я

почувствовал на губах ее влажное, теплое дыхание.

— Ты пытаешься утопить рыбу, мясник, — сказала Ева. — Физиология — это просто интерфейс. Я — программный код. Ты не можешь вырезать пустоту ножом. И ты не можешь сжечь ее током. Ты только что потратил пятнадцать минут, чтобы убедиться в собственной абсолютной ничтожности.

Я смотрел в ее серые, залитые кровью глаза, и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

Она была права. Мои методы — дерьмо. Моя власть — иллюзия. Я не доминант в этой комнате. Я — ребенок, который лупит палкой по океану, надеясь сделать ему больно.

— Куб пуст, — тихо констатировала она, скосив глаз на черный рекордер. — Ты проиграл первый раунд. Если хочешь достать мою пустоту... тебе придется пустить ее в себя.

Мой взгляд скользнул к стальному ящику под пультом. Там, в свинцовом кейсе, лежал нелегальный военный имплант. «Эмпатический мост». Двусторонний нейро-кабель. Запрещенная технология, позволяющая двум разумах слиться воедино.

Я медленно выпрямился, глядя на ее истерзанное тело.

Шагнул к пульту, чувствуя, как под подошвами скрипит бетонная крошка. Воздух в бункере был густым, как сироп, от запаха подгоревшей кожи и моего собственного, едкого пота.

Я пнул стальной ящик под терминалом. С лязгом отки-

нулась крышка, открыв свинцовый кейс. Внутри, на черном бархате, покоился моток матово-черного кабеля с двумя массивными титановыми иглами на концах.

«Эмпатический мост». Технология класса «Черный ящик», запрещенная Системой десять лет назад после инцидента в Секторе 4, когда двое дознавателей сошли с ума во время допроса террориста, захлебнувшись его фанатизмом. Эта штука не читает мысли. Она транслирует чистое, нефильТРованное состояние. Она сносит барьеры между «я» и «ты», смешивая нейроны в один кровавый коктейль.

— Знаешь, что это? — мой голос прозвучал чуждо, хрипло. Я поднял кабель. Он извивался в моих руках, как живая, голодная змея.

Ева повернула голову. Ее кровавый глаз не мигнул.

— Нейро-синхронизатор. Мост. Ты собираешься подключить меня к своей лимбической системе.

— Я собираюсь засунуть тебе в глотку свой собственный хаос, — прорычал я, подходя к креслу. — Твое тело не реагирует. Твой мозг не умеет генерировать страх. Но ему и не придется. Я залью в тебя свой. Я транслирую тебе ужас тысяч людей, которых я пытал на этом кресле. Я покажу тебе, каково это — быть живым, сломанным куском мяса. Твоя система захлебнется. И куб запишет сбой.

Она ничего не ответила. Просто смотрела, как я разматываю кабель.

[ВНИМАНИЕ: Подключение несанкционированного

оборудования]

[Угроза нейронного заражения: КРИТИЧЕСКАЯ]

[Рекомендуется немедленная остановка]

Я смахнул предупреждения Системы. Мой Индекс Предсказуемости уже упал до 40%. Я был в красной зоне. Еще немного, и, если мы выберемся отсюда, меня спишут в утиль как дефектный элемент. Но мне было плевать. Я должен был сломать ее. Я хотел сломать ее. Это стало навязчивой идеей.

Я грубо схватил ее за затылок. Пальцы нащупали металлический край церебрального шунта — стандартного размера инкубаторских.

— Готова, кукла?

— Я всегда пуста, Клиф, — прошептала она. Ее разбитые губы были в сантиметре от моего уха.

— Заходи.

Я с размаху вогнал правую иглу в ее затылок.

Щелк.

Затем я взял левую иглу. На секунду моя рука замерла над собственным портом за ухом. Подключиться к пустоте? Это как открыть шлюз космического корабля, надеясь, что вакуум не выжмет из тебя легкие.

Я закрыл глаза и вогнал иглу в себя.

Вспышка.

Мир взорвался ослепительно-белым светом, а затем схлопнулся в крошечную тьму.

Первое, что я почувствовал — это запах. Нет, не запах

бункера. Запах стерильности. Запах металла. Запах... небытия.

Я попытался вздохнуть, но у меня не было легких. Я попытался пошевелиться, но у меня не было тела. Я стал чистым сознанием, выброшенным в открытый космос без скафандра.

Я попытался атаковать.

Я вспомнил крики Марка. Я вспомнил запах крови. Я вспомнил свой собственный, животный страх, когда на меня впервые навели пушку. Я сжал эти воспоминания в тугой, раскаленный шар и швырнул их в нее. Жри, сука. Бойся!

Моя ярость, мой страх, моя боль хлынули по кабелю в ее мозг.

Я ожидал удара. Ожидал услышать ее нейронный вопль. Ожидал почувствовать, как ее искусственный разум плавится от человеческой грязи.

Но мои эмоции не столкнулись со стеной. Они рухнули в бездну.

Моя ярость исчезла, как капля воды на раскаленной плите. Мой страх растворился, как чернила в океане. Она не сопротивлялась. Она поглотила всё, что я ей дал, и даже не поперхнулась.

И тогда пришла Она.

Ее пустота.

Это не было похоже на смерть. Смерть — это конец. Это покой.

То, что хлынуло в мой мозг, было Отсутствием. Бесконечным, звенящим, математическим ничто.

Я закричал. В реальности, в бункере, мое тело выгнулось дугой и рухнуло на колени рядом с титановым креслом. Я вцепился пальцами в собственные волосы.

Меня стирали.

Я перестал понимать, кто я. «Клиф» — это просто набор слогов. Моя история — бессмысленный набор данных. Моя боль — иллюзия. Впервые в жизни я почувствовал то, что чувствовала она с момента рождения в инкубаторе. Абсолютную, тотальную бессмысленность существования.

Ничто не имеет значения. Ничто не важно. Нет ни света, ни тьмы. Только бесконечное падение в колодезь, у которого нет дна.

Я задыхался. Мои нейроны бились в панике, пытаюсь найти хоть что-то, за что можно зацепиться. Любовь? Я никого не любил. Ненависть? К кому? К Системе? Система — это просто цифры.

Пустота заполняла меня, вытесняя мою личность, вымывая мою сущность. Я чувствовал, как мой Индекс Предсказуемости в интерфейсе падает.

30%... 15%... 5%...

[КРИТИЧЕСКИЙ СВОЙ ЛИЧНОСТИ]

[УГРОЗА ПОЛНОГО СТИРАНИЯ]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.